

II 1976

1 2 5

ТУ 19—32—73

8

2

ДИАФИЛЬМ

08—3—660

Ф. Кнорре
Цунька
Художник
А. Морозов

Шёл второй год войны. В лесу было морозно. Усталые разведчики Вяткин и Шульга, не спеша, возвращались „домой“.

Вдруг Вяткин остановился как вкопанный и с изумлением сказал: „Вот это удивление! Откуда мартышке быть в лесу?!“

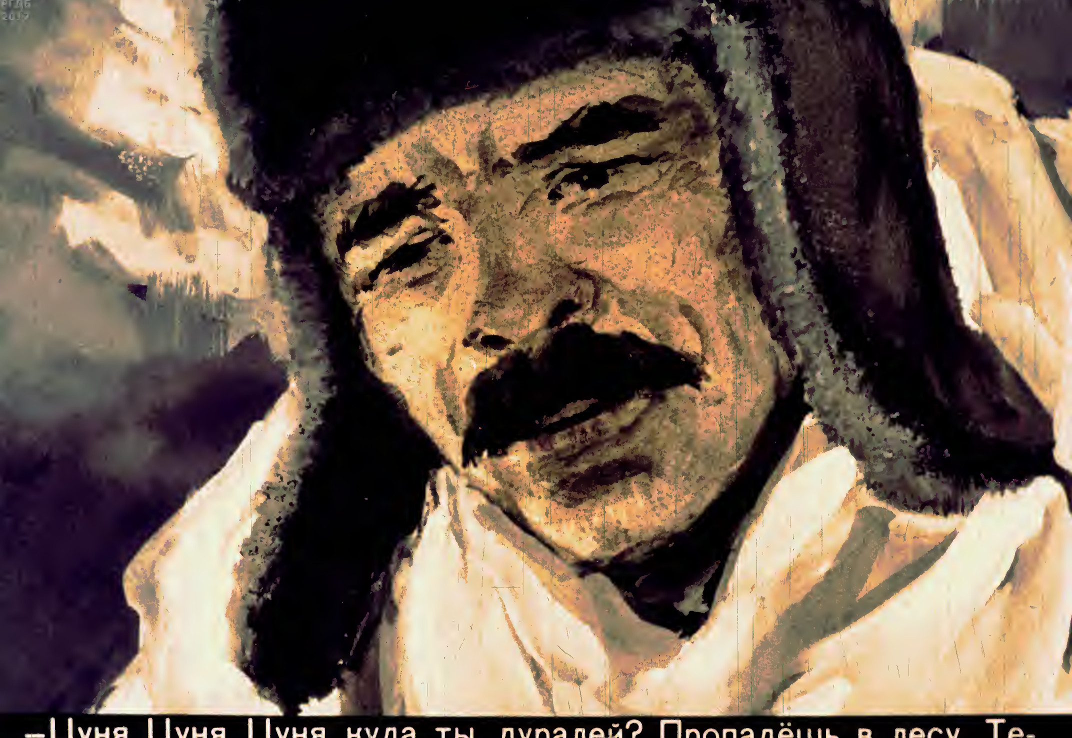
Вяткин почмокал мартышке, как собачонке, приговаривая: „Не бойсь, не бойсь... Цуня, Цунька, ну, поди сюда, поди!" Потом позвал её: „Кис, кис, кис"—и стал подходить ближе.

Обезьянка припустилась бежать и прыгнула с тропинки в снег.

– Ну вот! – укоризненно, с досадой сказал Шульга. – Разве ему по-кошачьему понятно? Где кошка, где обезьянка. Большая разница. Ты соображай!..

–Цуня, Цуня, Цуня, куда ты, дуралей? Пропадёшь в лесу. Тебя тут вороны склюют! Лиса тебя заест, дурья башка!

Вяткин нагнулся и поднял её под мышки. Мартышка ухватила его зубами за палец, но укусить у неё уже не хватило силы.

Заметив, что она трясётся на морозе всем своим мохнатым тельцем, Вяткин бережно сунул мартышку за пазуху.

Бойцы принесли замёрзшую мартышку к себе в землянку и начали отогревать. – „Гляди ты ему ногу-то не оторви напрочь своими ручищами! Кузнец!“ – беспокойно говорил Вяткин.

Наконец, мартышка шевельнулась, села с одурелым видом, вяло почёсывая у себя левой рукой за правым ухом,

сонно осмотрелась, подумала и, разгребая руками мех, полезла под полушубок Вяткина. „Прямо в рукав забирается! – торжественно объяснил Вяткин. – Всё понимает. Значит, спать!“

Когда на другой день бойцы снова собрались в землянке, Шульга, который никуда не уходил, сейчас же начал рассказывать: „Братцы, он со мной вот тут сидел...

...сухари в сладкий чай макал и чай пил! Это сейчас народу много навалило, так он спрятался!

...Стал я в печку дрова подкладывать, – с восхищением продолжал Шульга. – Она сидит наблюдает... Только это я отвернулся, а она как подскочит!.. Ну, мировая зверина! Так и садит туда дрова, что кочегар, только искры летят."

Вдруг с полки полетела со стуком жестяная кружка. Все подняли головы и увидели мартышку.

Узнав Вяткина, мартышка одним прыжком перелетела над нарами и очутилась у него на плече.

–„Гляди, прямо к нему на шею скачет, узнаёт, значит!“ – „Признал, ты погляди, какой понятливый!“ – одобрительно говорили солдаты. Вяткин, покраснев от гордости, проворчал: „Ты чего ж это меня прямо за лицо лапищами своими хватаешь, а?“

Принесли щи, и Вяткин принялся хлебать, осторожно поднося ко рту ложку, чтобы не облить Цуньку. Мартышка заинтересовалась и несколько раз проводила глазами ложку со щами, сновавшую туда и обратно у неё над головой.

В землянку заглянул лейтенант Смородин: „Оказывается, фашисты бомбили зоосад в городе. Многие животные разбежались... Зайцам, лисицам ещё ничего, а вашу мартышку следовало бы отправить в более подходящие условия". – Вяткин сразу помрачнел.

Через несколько дней Вяткина вызвали к лейтенанту. Вернулся он в землянку расстроенный: „Мартышку нашу в тыл надо отправлять".—Обезьяна прыгнула ему на плечо и обхватила за шею, но он сурово буркнул: „Ладно тебе... Не до обниманий теперь".

–„Для чего это – отправлять? – горячо заговорил Шульга. – Я ему в аккурат валенки шить докончил! Чем ему не жизнь?“– „Случай вышел удачный. Офицер связи на машине взялся его на аэродром доставить. А там на самолёт“, – ответил Вяткин.

–„Пожил бы у нас хоть до весны!“–„Верно. На двор он не бегает, а у нас тепло!“–Вяткин с досадой отмахнулся: „Тепло!.. А если завтра получим приказ–в наступление? Давай, Цунька, одевайся уж“.

–„Ну, прощай, Цунька! – говорили бойцы. – Не забывай!" – „А жаль, совсем было привык к солдатскому пайку!" – „У печки кто кочегарить теперь будет?"

Скоро пришла машина, и все пошли провожать Цуньку. Вяткин передал лейтенанту в руки туго завёрнутый свёрток и вполголоса заметил: „Вот тут краешек немножко бы придерживать, товарищ лейтенант. Не застудить бы, главное.—„Ладно. Поехали“,—ответил он.

Чувствовавший себя слегка неловко, точно с грудным ребёнком на руках, лейтенант подождал, пока машина не отъехала, и заглянул в щёлку между складками одеяла. – „Сидишь? – сказал он ободряюще. – Ну и сиди!“ – И подоткнул одеяло.

Вечером в землянке было необычайно скучно. – „Я так считаю, – задумчиво говорил Вяткин, – что она всё равно, как человек". – „А до чего залихватская была зверина! – вздохнул Шульга. – Сидит-сидит, бывало, потом как грянет кружкой об стол, как подскочит и пошло!"

Уже под утро в землянку ввалился связной: „Самолёт в тыл не пошёл!.. Ваша обезьянина сидит у артиллеристов, они как обращаться не знают! Лейтенант велел передать, если желающие есть, можете сходить покамест взять обратно! А то артиллеристам тоже понравилось“.

Через полчаса Вяткин и Шульга чуть не бегом вернулись с мартышкой обратно. „Хитрые какие! — весело кричал Вяткин. — „Оставьте, пусть у нас поживёт". Нет, говорю, вы себе сами такую найдите, а эта наша! В гости заходите поглядеть! Милости просим!"

Когда все сели пить чай, мартышка сидела, кутаясь в одеяло, и опасливо оглядывалась по сторонам, точно никак не могла понять: дома она или в каком-то чужом месте.

Потом вдруг одним прыжком выскочила из одеяла и, промчавшись по кругу, на ходу собрала все лежавшие на столе кусочки сахара. — „Ох ты ж, гад! — закричали со всех сторон. — Ты что же делаешь? Разбойничать взялся?"

Собрав кусочки сахара, лежавшие около кружек, мартышка набила себе полный рот, подскочила и повисла на перекладине над столом, покачиваясь в воздухе.

– Ой, ну и вредный же чёрт! От него житья никому не станет скоро! Да он нас всех отсюда повыживет! Гляди, ещё дразнится, поганец такой, а? –громче всех кричал Шульга.

Неожиданно мартышка стащила с ноги валенок и швырнула его в голову Шульги. Связной, заглянувший в землянку, с завистью воскликнул: „Вот где веселье! Прямо представление!“

Однажды, после трёхдневного отсутствия, Вяткин возвращался к себе в землянку. Было очень тихо, так что он услышал, как кто-то хрипло кашлянул.

Кашляла мартышка. Вяткин присел с ней рядом. На одеяле были разложены нетронутые куски сахара, сухари, печенье и сломанная палочка шоколада.

Прямо ему в лицо смотрели жалобно, покорно моргая, круглые, карие глаза.

Мартышка перевела глаза на белую повязку Вяткина, неуверенно протянула руку, осторожно потрогала повязку, вытащила растрепавшуюся нитку и безучастно её понюхала.

И вдруг опять, схватившись за грудь, закашлялась. – „Ну, покажи, где у тебя болит? – спрашивал Вяткин, заботливо расвёртывая одеяло и растирая обезьяне грудь. – Вот тут? Тут?"

А обезьянка продолжала кашлять, видимо, сама не понимая и пугаясь того, что с ней происходит.

Вернувшийся вместе со всеми из разведки, Шульга, усталый и полусонный, присел на корточки перед Цунькой и, погремев железной коробочкой, подсунул её в руки мартышке. Она взяла коробочку, подержала и тут же выронила.

В землянку зашёл лейтенант Смородин.—„Не очень беспокоит рана?“—спросил он у Вяткина.—„Нет, ничего.“—„А что же скучный такой?“—„Цуньке нашему конец пришёл. Уж так берегли, да заболел, видно“.

Лейтенант Смородин с горечью проговорил: „Всем они сумели покалечить существование. Не то что людям, а никакому живому существу не оставили гитлеровские гады спокойного угла на всём земном свете“.

Редактор Г. Витухновская
Художественный редактор Т. Миловидова

Студия „Диафильм", 1971 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., дом №7
Цветной 0-30
Д-216-71